

Революционные потрясения разрушают право

Нарышкин С.Е.,

доктор экономических наук,

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Полвека назад завершился период так называемой хрущевской оттепели. Она была и противоречивой, и недолгой, но дала новое дыхание и толчок не только развитию отечественной культуры и искусства, но и общественно-политической жизни.

Между тем не все сегодня помнят, что в истории России были и другие оттепели. Они случались в разные эпохи, носили разные имена, и одно из них — НЭП.

Новой экономической политике была суждена еще более краткая жизнь, чем оттепели 1950-1960-х гг. (и даже периоду либеральных реформ Александра II). Судьба НЭПа, по сути, была окончательно решена в 1929 г. А вернее, предрешена, ибо разрешенные тогда методы достижения экономического роста никак не вписывались в образ коммунистического будущего. Если не сказать — отрицали его.

В стране, разрушенной в годы Первой мировой и Гражданской войн, потерявшей и миллионы людей, и значительные территории, советская власть лишь временно сделала ставку на рыночные отношения. И пусть далеко не во всех сферах, в практику были вновь включены чуждые революционным идеалам экономические стимулы и механизмы. О них были вынуждены вспомнить, и они даже в тех условиях заработали. А растерзанное войнами и экономической разрухой общество получило передышку перед грядущими испытаниями. Во многом именно эта фрагментарная «реставрация капитализма» создала почву для будущих модернизационных рывков, проводимых уже совсем иными методами.

НЭП практически сразу начал давать свои плоды. А люди, чувствуя перемены, воодушевлялись надеждой на мирную, созидательную жизнь. «Для того, кто видел Москву всего каких-нибудь полгода назад, теперь она неузнаваема, настолько резко успела изменить ее новая экономическая политика <...> Магазины стали расти как грибы», — писал в январе 1922 г., менее чем через год после начала НЭПа, Михаил Булгаков и сравнивал его с «живым дождем».

И оживала не только торговля. Эксперты подсчитали, что уже в 1924 г. объемы промышленного производства достигли 40 % от довоенного уровня (хотя еще четыремя годами раньше фиксировалась катастрофическая планка в 14 %).

Думаю, что столь стремительное восстановление стало возможным и потому, что Россия всегда была богата талантами. И сфера предпринимательства не была здесь исключением. Многие смогли в те годы реализовать себя и принесли пользу своей стране. Однако в массовой культуре образ нэпмана оставался малопривлекательным. И таким сохранился до сих пор. Нет нужды его описывать, все хорошо знают, о чем речь.

Не секрет, что нашему обществу и сегодня не хватает уважения к предпринимательскому труду, обремененному многими рисками и требующему особых качеств и умений. Но ведь это необходимый фактор благоприятного делового климата, устойчивости и долгосрочного успеха современной экономики.

Анализ периода НЭПа дает немало поводов и для других размышлений — о пределах вмешательства государства в экономику, об оптимальном соотношении рыночных и административных рычагов и т.д. И пусть их действие в конкретных исторических условиях исключает прямые параллели — из таких периодов, как НЭП, можно и сегодня вывести множество полезных уроков. К примеру, о роли малого бизнеса и сельского предпринимательства, о важности конкуренции и пропорциях между государственными, частными и иностранными инвестициями, о приоритете именно экономической мотивации и решающем значении профессиональных кадров (вспомним хотя бы известную кампанию по привлечению «буржуазных спецов»).

Да и своей недолгой жизнью НЭП вновь нам напоминает, что экономический и политический курс не могут находиться в противоречии друг с другом. Без демократических свобод долгосрочного экономического развития и подъема не достичь.

Уверен, что только глубокое знание истории не даст забыть такие уроки, донесет их до новых поколений наших граждан. И напоминать о них — хотя бы по юбилейным датам — совсем не вредно. Именно поэтому депутаты Государственной Думы уделили недавнему 20-летию демократической Конституции России так много внимания. А готова первый отчет о состоянии нашего законодательства, анализировали качество реализации Основного закона во всех его аспектах — от государственного управления и развития федерализма до социальных и экономических программ и проектов. Ведь свою полную силу Конституция обретает лишь как цельный документ. Вне связи ее принципов и норм — по отдельности и вразнобой — конституционные гарантии до конца и в полную силу не работают.

Говоря о НЭПе, нельзя не сказать и о более широкой теме — о роли, ценности и судьбе права как такового. Каждое решение, затрагивающее интересы большинства граждан, в конечном счете нуждается в законодательном оформлении. И юридические акты прошлых эпох с головой выдают существо истинных намерений властвовавших элит, их соответствие (или несоответствие) устремлениям общества. Так было и так будет всегда — законодательство, как ничто другое, будет оставаться объективным свидетельством исторических перемен. А тексты законов покажут специалистам, каким образом были проведены те или иные решения. Они (тексты) не менее любопытны и показательны, чем мемуары очевидцев. Особенно в переломные моменты.

Известно, что на рубеже XIX–XX вв. потепления и заморозки сменяли друг друга все чаще, а перепады температур становились все резче. Исторический маятник набирал амплитуду, и, достигнув в 1920-х гг. новой крайней точки — НЭПа, он очень скоро качнулся в противоположную сторону. К подавлению свобод и инакомыслия, к полному огосударствлению экономики.

Чего стоят откровенные признания наркома юстиции и первого председателя Верховного суда РСФСР Петра Стучки: «У нас властвует живое дело, а не мертвая буква <...> революционный народ съел все законы <...> общегражданские отношения настолько упрощаются, что достаточ-

но одного классового сознания, чтобы здравым умом решать их справедливо».

Игнорируя сами основы юридической науки, советская власть выстраивала подходящее для себя право уже с первых своих актов. В декретах о суде 1917–1918 гг. появились такие внеправовые критерии, как «революционное правосознание», «революционная» или «социалистическая совесть» как критерии принятия юридических решений. Происходила стремительная подмена правовых категорий идеологическими.

В период экономических послаблений НЭПа стало больше уважения и к праву. В 1922 г. Ленин (сам юрист по образованию) сетовал, что много законов вносится в Совнарком «без обязательной надобности», а ВЦИКу предписывал «строже требовать от составителей закона».

На свои противоположности менялась и правовая материя, сама суть юридических норм. К примеру, если декрет ВЦИК от 20.08.1918 г. упразднил право частной собственности «на все без исключения участки <...> находящиеся в пределах всех городских поселений», то уже 22.05.1922 г. был сделан шаг назад. В новом декрете «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» признавались права собственности на «строения в городских и сельских местностях» (по крайней мере на те, что к тому моменту не были «муниципализированы», а проще сказать — отобраны у владельцев).

Повторю: такие перемены в законодательстве вводились ненадолго, как, собственно, недолго был и сам НЭП. С его сворачиванием роль права была окончательно сведена к производной от идеологии.

Да, любые революционные потрясения меняют, а порой и разрушают как ценность права, так и правосознание общества. Однако возрождение утраченных правовых традиций и культуры требует гораздо больше времени. Именно поэтому Российское историческое общество избрало своими приоритетами на текущий год не только очевидные знаковые поводы, такие как 100-летие начала Первой мировой войны. Серьезное внимание будет уделено в том числе анализу некоторых советских и более ранних реформ. Я и мои коллеги по Российскому историческому обществу исходим из того, что качество решения многих современных задач немало зависит от твердого усвоения уроков мировой и нашей собственной истории.